

К Р О К О Д И Л

В каждом из наших кандидатов в депутаты есть что-то подкупающее. Например, этот подкупает своей славной работой у станка.

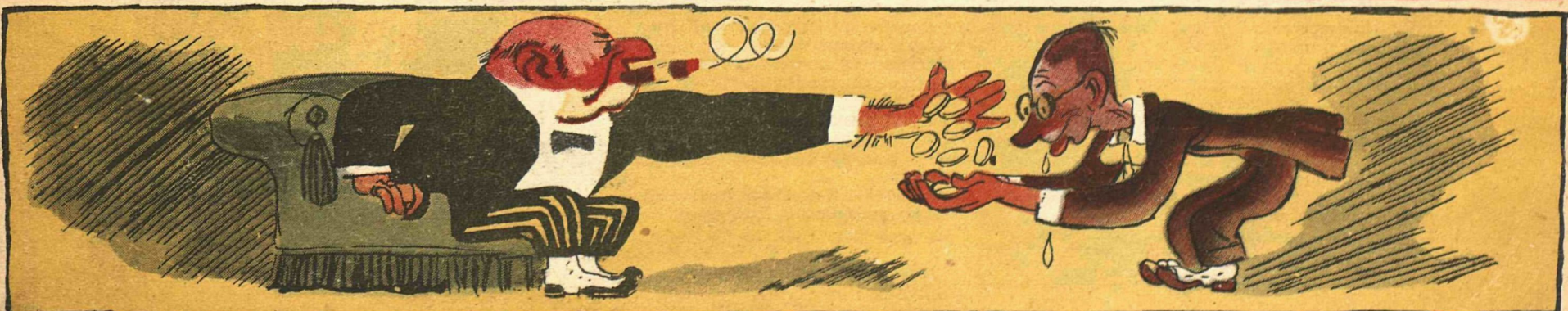
Этот — своей военной биографией.

Этот — размахом исследовательской мысли.

Этот — успешной борьбой за рекордные урожаи.

Но будем справедливы: есть кое-что подкупающее и в этом — зарубежном — кандидате. Что именно, — видно на рисунке.

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

Арктическое

Во льдах, где, шествуя по дедовскому следу,
«Колумбы росские» нашли земную ось,
Мне неожиданно подслушать довелось
Весьма занятную беседу.
Весь блеск ледовых мизансцен
Был скрыт завесой снежной пыли,
Но было слышно: говорили
Турист — заезжий джентельмен,
Клыкастый морж, тюлень, медведи.
Турист был вежлив: то и знай,
Справлялся, как живёт медведица («медледи»),
И был с моржиками приветлив, как «гудбай».
Он им сочувствовал: «Здесь дует».
Он уверял, что с давних дней
Его хронически волнует
Судьба тюленей и моржей.
Он говорил: «Мои соседи —
Достопочтенные медведи —
Живут в краю полярной мглы.
Я, так сказать, входя в их шкуры,
Внести намерен свет культуры
В медвежьи тёмные углы.
Скорбя душой о бедных мишках,
Я в неотложных их делишках
Им посодействовать могу —
В авиатранспортном, в радарном...
Он говорил в кругу полярном,
Как говорят в своём кругу.
Он толковал о всех вопросах,
Как моржелюб, медведефил...
Турист туры на торосах
Дипломатично разводил.
Ему — по свойственной им лени —
Ответить медлили тюлени.
Морж торопил моржа: «Скажи:
Мы, джентельмен, живём — не ропщем
На одиночество». Но, в общем,
С ответом медлили моржи.
И вдруг — негаданная вспышка
Медвежьей грубости! Какой-то белый мишка,
Решив, что светскость ни к чему
На ледовитом побережье,
Медведелюбу моему
Сказал простецки, по-медвежьи:
Достопочтенный наш сосед,
Ты — сэр, а я, приятель, сед!» —
И жестом дал понять, что ясен разговор-де
И что разгадан «дипломат»...
Я не виню его: медведь был грубоват,
Как... не учившийся в Оксфорде!

Эмиль КРОТКИЙ

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ о хорошем вкусе

ОДИН прогрессивный американский журналист, побывавший недавно в Москве, рассказал, между прочим, о таком сногшибательном предвыборном трюке, свидетелем которого он был в одном из штатов. Там выбирали — точно не помню — нето губернатора, нето сенатора. Одним из кандидатов на этот пост был крупный местный промышленник, фабрикант обуви, туфельный король.

Агенты этого короля энергично приступили к скупке голосов от населения. Платили они обувью.

Платили не парой ботинок, а одним ботинком. Избирателю выдавался лишь один левый ботинок.

При этом избирателю говорили:

— После выборов — если мистер такой-то получит большинство голосов — предъявите в один из наших магазинов левый ботинок и тогда получите к нему и правый ботинок...

Попробуйте сказать этому кандидату о странностях подобной «демократии». Не поймёт.

— У нас свобода, — ответит сей мистер, — и я свободно могу вкладывать свои доллары в любое предприятие. За свои ботинки я могу купить сигары, подтяжки, кофе. Могу купить и голоса...

Нам, советским людям, не по вкусу это такое «расширение рынков», мы не занимаемся куплей-продажей идей и убеждений.

У нас другие вкусы.

И надо твердо сказать: у нас хороший вкус, и мы умеем выбирать.

Мы давно отвергли как негодный суррогат демократию в кавычках. Хороший вкус мы проявляем и в выборе депутатов в наш советский парламент. Среди избранников советского народа нет ни туфельных королей, ни пушечных властителей, ни магнатов свиной тушёнки.

Посмотрите списки наших депутатов: то академик, то герой, то мореплавец, то плотник.

А рядом идут товарищи, не предусмотренные старой поэтической строчкой: то полководец, то колхозник, то партработник, то шахтёр.

Это всё люди из хорошего семейства: из могучей семьи советских народов. Это люди знатных фамилий.

Мы не раз встречали эти фамилии: в списках лауреатов Сталинской премии, в правительственных указах, на досках почёта, на обложках книг, на афишах. А в военные дни мы о многих из них с радостью читали в незабываемых приказах Верховного Главнокомандующего, нашего первого депутата.

Когда-то в так называемых высших кругах общества считались признаком хорошего тона заграничные путешествия.

Многие наши депутаты, отнюдь не подражая вышеозначенным «высшим кругам», побывали за границей.

Они совершали это путешествие от ближних подступов Москвы, от Сталинграда, от Орла до самого Берлина.

Легко представить себе такой разговор в Кремлёвском дворце, в кулуарах сессии вновь избранного Верховного Совета:

- Что-то мне ваше лицо как будто знакомо.
- И мне кажется, дорогой товарищ, что мы с вами где-то встречались.
- Вы в Калуге никогда не работали?
- Нет, я сам из Омска.
- Вспомни! Да мы же с вами виделись в Берлине!
- Совершенно верно! Мы же с вами знакомы по рейхстагу.
- Вернее, по крыше рейхстага.
- Вот именно! Мы вместе поднимались на эту крышу, чтоб водрузить советский флаг!

* * *

В буржуазных конституциях немало изящной словесности. О языке большинства этих человеколюбивых сочинений можно сказать словами старой русской поговорки: «И мягок и гладок, да на вкус гадок».

Ведь в конечном итоге всё сводится к тому ботинку, которым туфельный король вербует избирателей.

Приверженцы и подданные этого ботинка зарабатывают хлеб свой насущный, поливая грязью в своих газетах советскую демократию.

«Один фермер наслышался историй о попугаях. Он решил приобрести попугая. Вот он отправился к торговцу и заплатил порядочную сумму за выбранную им птицу. Неделю спустя он вернулся в лавку и принёс клетку с попугаем: «Птица, которую вы продали мне на прошлой неделе, не стоит и соверена». «Что с ней случилось?» — спросил купец. — «Ведь она говорит хорошо!» «Говорит?» — ответил негодующий фермер. — «Проклятая птица болтает весь день, но несёт такую чушь, что стыдно слушать».

Пробегая писания дейди-мейловских и херстовских попугаев, невольно вспоминаешь этот анекдот, приведённый английским юмористом Джеромом К. Джеромом в одном из своих рассказов.

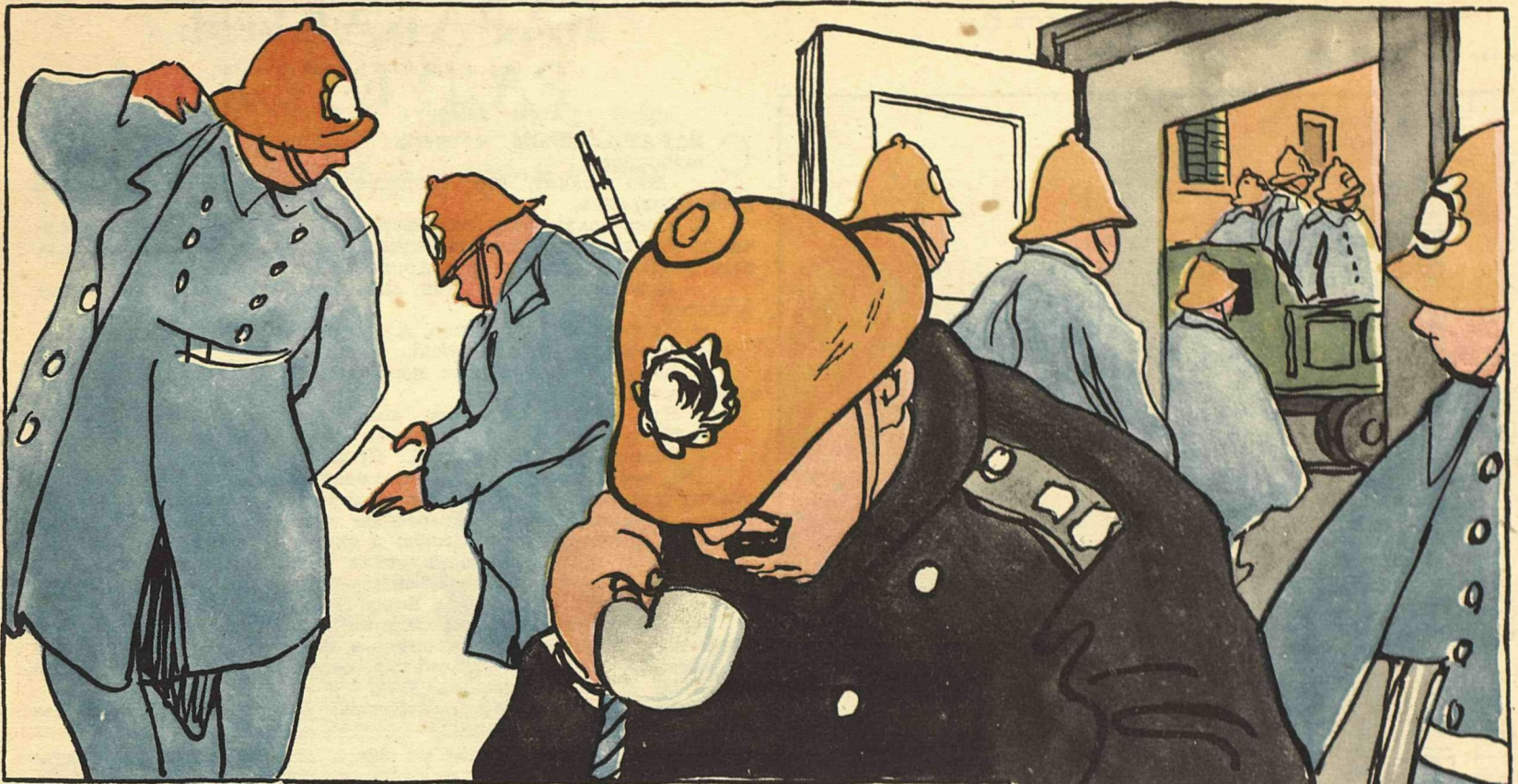
Г. РЫКЛИН

В США теперь в моде «атомные» духи, галстуки, ликёры, подтяжки и т. д.

Рис. Б. ЛЕО (Ленинград)

Хижина дяди Атома.

— Алло!.. Что?.. Рабочие вышли на улицу с новыми требованиями?! Ну, что ж, придётся пойти навстречу!

ЧЕРТОВЩИНА

24 ДЕКАБРЯ, так сказать, «в ночь под рождество», 1942 года в одном из почтенных учреждений в Москве была подписана директивная грамота для школ. Полезная сама по себе, она, вероятно, не вызвала бы никаких осложнений, если бы составителям её не пришлось в голову задеть мимоходом нечистую силу. Когда всё уже было готово и бумага была скреплена надлежащей подписью и печатью, какой-то методист вдруг ударил себя ладонью по лбу и воскликнул:

— Эх-ма, а чорта-то и забыли!
— Вписать его! — закричали кругом. — Во второй пункт его!

Во втором пункте было сказано:

«В словах жёрнов, жёлудь, шёпот, жёлоб пишется ё, а не о».

(Сюда-то и добавили чорта.

Ну, вот и началось. Грамоту отпечатали и послали по школам. Но, видимо, обиженный чорт стал её перехватывать. Из-за его проделок многие учителя так по сей день ничего и не узнали о случившихся изменениях в русской орфографии. А те, которые каким-то нюхом учуяли, что в грамматике что-то такое произошло, встревожились и стали один за другим с разных сторон слать в Москву запросы: как теперь, если потребуется, письменно послать человека к чоргу — через о или через ё? Разумеется, можно во избежание недоразумений предложить ему отправиться к дьяволу или бесу..

Раньше детей учили писать «жолудь», «жолоб», «шопот», «чорт». Теперь стали переучивать. Вышел новый учебник русского языка для 5-го и 6-го классов, издания 1944 года. В нём было написано: «жёлудь», «жёлоб», «шёпот», «чёрт». Чтобы облегчить запоминание этих слов, один педагог расположил их даже наподобие стихов и заставил детей твердить

наизусть. Ребятишки, выбежав из школы после уроков, по дороге домой громко выкрикивали:

«Чёрт с трещёткой в трущобе
Сыпал в жёлоб жёлтый жёлудь...»

А чорт тут как тут:

— Я вот вам насыпалю жёлудей, подождите вы у меня!

И, признаться, насыпал-таки.

Каким манером ухитрился он это сделать, неизвестно: то ли опять затмение навёл на умы методистов, то ли просто заскочил в типографию и перепутал набор. Но только когда через год вышло новое издание школьной грамматикки, то там всё уже оказалось наоборот: вместо «жёлудя» — «жолудь», а вместо «чёрта» — «чорт» (издания 1945 и 1946 годов).

Что ты будешь делать! Бросились учителя к другим источникам. Раскрывают «Орфографический словарь» для школьников (профессора Д. Ушакова и д-ра С. Крюčkова, издание 1944 года), смотрят: «чёрт» и «жёлудь» с двумя точками. Перевернули страничку, ан, «трущоба» и «трещотка» через о. А вскоре вышел новый словарь — Былинского, Светлаева и того же Крюčkова (издание 1945 года). Глянули туда, а там «трущѣба».

И опять посыпались в Москву письма: «Перед нами два учебника по русскому языку для средней школы одного и того же автора. В одном написано «жёлудь», а в другом «жолудь». Просим разъяснить нам, чему же в конце концов учить детей? Что брать за основу — письмо управления начальных и средних школ Наркомпроса об употреблении «ё» или утверждённый им же учебник?

Были и такие письма:

«Скажите, пожалуйста, как правильно написать: «Сам чёрт... или сам чорт не разберётся».

П. ЛУЧЕВОЙ

(НЕ ПО ЧАЙКОВСКОМУ)

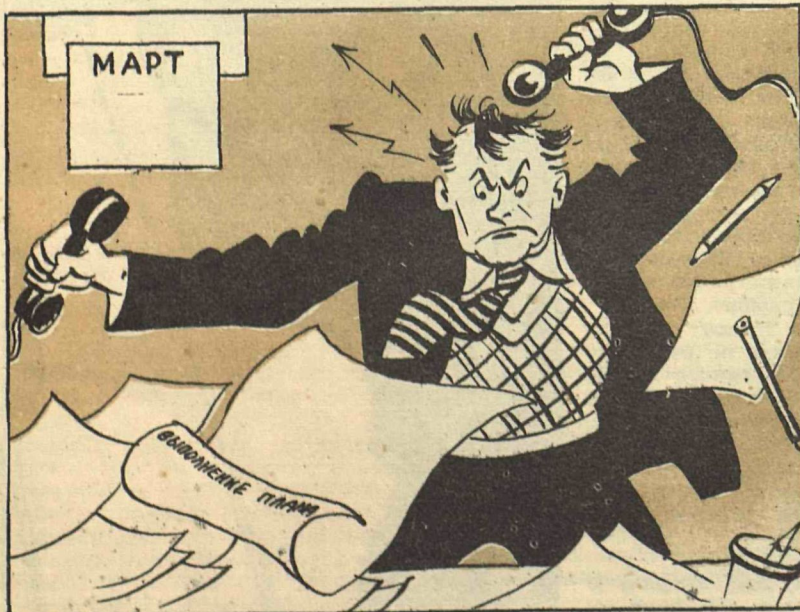
Рис. Вор. ЕФИМОВА

Пианиссимо (очень спокойно).

Пиано (с прохладцей).

Фортиссимо (аврал!!!)

БАРАБАКИН РАДУЕТСЯ

С БАРАБАКИНЫМ я знаком давно, но знакомство наше шапочное.

Это значит, что, встречаясь на улицах, мы только раскланивались.

А когда, случалось, разговаривали, то разговор наш отличался обычной удручающей скукой, свойственной беглым уличным встречам чуждых друг другу людей.

— Здравствуйте! Ну, как вы? Дон Померанцо всё пишет и пишет?

— Пишет дон Померанцо. А как поживает дон Барабакин?..

— Да ничего... подвизаюсь!..

Я не знал, где именно подвизался Барабакин, и поэтому «закруглялся» первым.

— Ну, помогай вам бог, дон Барабакин, подвизайтесь!..

— И вам — того же! Пишите! Только не испишывайтесь!..

— Постараюсь, Барабакин!.. Привет!..

...Не так давно сижу я на писательском собрании. Идёт обсуждение плохой пьесы одного хорошего писателя. Бывает!.. Писал человек умные, интересные произведения, а тут вдруг оплошал и сочинил фальшивую и скучную драму.

Свист и щёлканье критических бичей оглашали зал.

Вдруг я ощутил на своём затылке что-то воспалённое дыхание и, обернувшись, увидел Барабакина.

На его красном, потном лице было разлитое выражение блаженства, словно Барабакин сидел в тёплой ванне. Толстый нос Барабакина лоснился, маленькие медвежьи глазки были мутными от странного наслаждения.

— Так его! — шептал Барабакин. — Поддай жару!.. Правильно!.. Молодец!.. Ещё валяй!..

В перерыве он подошёл ко мне и сказал, продолжая сиять:

— Здорово ему дали! Этот критик, забыл его фамилию, в очках, лысый, — ух, он его крепко отстегал! Тот аж завертелся, будто на горячую плиту сел. Мне понравилось!..

Я не выдержал:

— А чему вы, собственно, радуетесь, Барабакин? Хороший писатель написал плохое произведение. Критикуют его правильно, поделом, но ведь это — событие для всех нас огорчительное, и веселиться по этому поводу незачем!..

Он посмотрел на меня с искренним удивлением:

— Юморист, а философствуете! Смотрите, дофилософствуетесь до того, что вас тоже... разделают под орех. Вы позвоните тогда — придем с женой, послушаем. Хе-хе!..

И он игриво ткнул меня пальцем в бок.

...Следующая наша встреча произошла на трамвайной остановке. Барабакин стоял у фонарного столба и читал газету. И опять его физиономия невыносимо сияла.

— Здравствуйте, Барабакин! Что хорошего вычитали в газете?..

— Этого-то как разделили! (Барабакин назвал фамилию известного кинорежиссёра). Представляете себе, как он сегодня утречком завертелся, а?.. Сидел, наверно, подлец, пил кофе. И вдруг приносят почту. Он этак спокойно раскрывает газету и вдруг — бац, не угодно ль этот финик вам принять!..

— А вы не радуйтесь, Барабакин! — сказал я. — Мужик он крепкий, талантливый. Ему указали на его ошибки, и я уверен, что у него хватит сил их преодолеть. Вот увидите, что фильм у него в конечном счёте получится неплохой.

— Не знаю, что у него потом получится, а пока получился... финик с маслом!.. Хе-хе!..

Подошёл драмвай. Я вскочил на подножку и уехал, не прощаявшись с Барабакиным.

Я оказался прав. Режиссёр, о котором мы говорили, исправил свои ошибки, и вскоре был выпущен отличный фильм.

Я стоял в очереди за билетами у здания кинотеатра и увидел Барабакина, спешившего куда-то с крайне озабоченным видом. Я окликнул его, он остановился и посмотрел на меня с неудовольствием:

— А, это вы?.. Что вы здесь делаете?

— Ну, Барабакин, кто был прав?! — сказал я, торжествуя победу. — Вы читали, что сейчас пишут о фильме?.. Не угодно ль этот финик вам принять!.. Вы смотрели картину?

— Не смотрел. А зачем же её теперь смотреть? Теперь её смотреть неинтересно!..

— Нет уж, идёмте, посмотрим. Я за вас заплачу.

— Не могу. Спешу!

— Куда, Барабакин?

— Один знакомый химик защищает диссертацию. Надо послушать.

— Но ведь вы же в химии, Барабакин, понимаете не больше, чем лососина в геометрии!

— Это неважно. Говорят, его диссертация — ужасная дрянь. И оппоненты сделают из него бифштекс. О, не опоздать бы!.. Пока!..

Он помакал рукой и побежал вприпрыжку по тротуару, толкая прохожих и не извиняясь. Он спешил!..

ЗА ШИРОКОЙ СПИНОЙ СТАХАНОВЦА

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

Иванов работал так, что покурить некогда было. Петров курил так, что работать некогда было. А в общем и целом, как хвастался Петров: «Мы выполнили среднесуточную норму!»

ТЕНИ ПРОШЛОГО

В ОДИН из осенних дней 1912 года господин симбирский губернатор вызвал к себе правителя канцелярии и... немедленно открыл избирательную кампанию.

Его превосходительство не стал тратить драгоценного времени на агитацию, пропаганду и разъяснительную работу среди населения. Взамен всего этого господин губернатор продиктовал срочное письмо жандармскому полковнику:

«В какой мере можно ожидать благоприятных выборов в государственную думу, не предвидится ли опасений, что в члены думы могут быть избраны левые?»

Многочисленные документы, сохранившиеся в Ульяновском областном архиве, рассказывают нам о том, как под заботливым руководством господина губернатора и жандармского полковника планомерно и с широким размахом развертывалась избирательная кампания.

В помощь губернатору и губернскому начальнику жандармов был привлечён в качестве наиболее красноречивого агитатора его высокоблагородие господин полицмейстер. В специальном циркуляре указывалось, что полицмейстер должен присутствовать на каждом предвыборном собрании, причём имел право закрыть такое собрание в любой момент, когда оно почему-нибудь переставало ему нравиться. Господин полицмейстер использовал свое право с завидным рвением и с большим административным азартом.

Несмотря на подобное ревностное и досточальное усердие его помощников, господину губернатору пришлось испытать некоторые огорчения. Представьте, проклятая крамола притаилась там, где её никак не ожидали найти! Документы повествуют, что такой почтенный человек, как (кто бы мог думать!) семидесятипятилетний действительный статский советник Моляков, был исключён из списков избирателей.

Страшно сказать, но! его превосходительство было официально признан на старости лет опасным либералом. Вот уж поистине, как говорила героиня чеховской «Свадьбы»: «Генерал, а безобразит».

Другой, казалось бы вполне благонамеренный, состоятельный землевладелец, Вовко-Рассоха, был вычеркнут из списков по ещё более серьёзной причине. Всё натворила Варвара Ивановна! В обосновании исключения злополучного Вовко-Рассохи так и было сказано чёрным по белому:

«Из списков избирателей исключить, как находящегося под влиянием жены Варвары Ивановны, оппозиционно настроенной».

Конечно, его превосходительство господин губернатор и раньше имел некоторые основания подозревать, что Вовко-Рассоха находится под башмаком у своей супруги, но кто мог думать, что из-за этого может возникнуть опасность для престола и священной особы государя-императора.

Зато надо отдать должное князю Теншееву. Вот надежда и опора! Вот человек, который порадовал губернаторское сердце! Господин полицмейстер не нашёл ни слова упрека, составляя отзыв о князе Теншееве. Добродетельный князь, выдвинутый в качестве выборщика, отличался великолепным свойством. Жандармский полковник, рекомендуя князя Теншеева в качестве выборщика, дал ему самую положительную характеристику, в какой значилось:

«Партийность князя Теншеева я определить не берусь, так как он болен прогрессивным параличом мозга и является умственно ненормальным».

Ну, разумеется, господин губернатор с удовлетворением утвердил кандидатуру князя Теншеева.

Архивные документы переносят нас на пять лет вперёд. Апрель 1917 года.

На улицах города Симбирска красуется заманчивый плакат:

«Граждане капиталисты! Подписывайтесь на заём Свободы. Дёшево и патриотично».

В газете «Симбирянин» за апрель 1917 года напечатано развесёлое объявление: «Вечер займа Свободы. Товарищеское кабаре. Бесперывные танцы».

Потапцовав, не щадя живота и ног, не скупясь на самые замысловатые «ша» во имя займа Свободы и покончив с товарищеским кабаре, граждане капиталисты открывают другое кабаре. Оно носит название:

«Выборы в городское самоуправление».

На четвёртой странице газеты «Симбирянин» напечатано объявление о съёмке помещения для казённой лавки денатурированного спирта. Под ним на более скромном месте, но набранное отменно крупным шрифтом в рамке значится:

«Городская управа объявляет торги на земляные работы по вырытию ямы на северной свалке нечистот».

А ещё ниже, под этой мало привлекательной ямой, стоит извещение о предвыборном собрании в комитеты горской думы.

Члены думы читают объявление с удовольствием:

— Очень удачно напечатано. Здесь, пожалуй, никакой «красный» его не разыщет.

Но у руководства думы ещё столько хлопот, столько хлопот!

Граждане капиталисты уже не танцуют, а заседают. Они решают важные избирательные проблемы. Как назначить выборы на такой день, чтобы не пришли нежелательные элементы? Лучше всего назначить их в будни. Пусть «красные» работают, а мы уж за них, так и быть, проголосуем.

Как известно, им это не помогло. «Красные» пришли!

Юр. ЧАПЛЫГИН

МАРШЕ НУАР

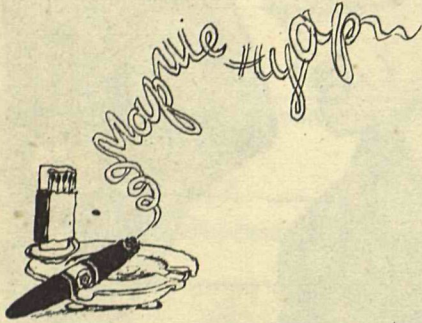
(ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ)

В ПАРИЖЕ сейчас то и дело слышно — на улицах, в кафе, в магазинах, в кулуарах совещаний:

— Марше нуар... Марше нуар...

Я неплохо знаю французский язык. Перед войной не раз бывал в Париже. Но тогда эти два слова не были в обиходе ни в столице, ни в провинции. Вот почему я был крайне удивлён, услышав в первый же день своего приезда, как знакомые мне и незнакомые парижане десятки раз повторяли:

— Марше нуар.

Нет, это — не название нового сенсационного фильма. И не заглавие нашумевшего романа. И не кличка какой-нибудь свежее испечённой организации фашиствующих молодчиков.

Марше нуар — это чёрный рынок.

* * *

В дороге я выкурил все свои папиросы. Надо купить сигареты. Когда-то в Париже, помнится, были хорошие сигареты. Я решил зайти в табачную лавочку.

Мне объяснили:

— Сигареты выдаются по специальным талонам.

Я сказал:

— Очень хорошо.

Мне ответили:

— Хорошего тут мало. Полагается только шесть сигарет в день.

Я забеспокоился.

— Что же делать курящему человеку?

Меня утешили:

— Сигареты можно достать. На чёрном рынке. Конечно, если у мсье — большие деньги.

Когда я сказал, что в Москве на каждом углу свободно продаются папиросы разных сортов, парижане удивлённо восклицали:

— О, мсье!

Но мне казалось, что многие мне не верили. «Пропаганда»...

* * *

Я хотел купить кусок туалетного мыла. Когда я выразил вслух такое скромное желание, парижане посмотрели на меня как на человека, упавшего с небес, как на чудака, оторванного от жизни.

На родине дончайского парфюмерного искусства, во Франции, нет мыла.

Но меня опять утешили:

— Марше нуар, мсье, марше нуар. Чёрный рынок, мсье. Там, за большие деньги, конечно, сможете купить кусок мыла.

А более словоохотливые парижане добавляли:

— Да, мсье, на чёрном рынке за большие деньги можно всё купить. Даже сливочное масло, которого в Париже давно нет.

— Видите, мсье, какое сильное автомобильное движение в Париже

Три четверти машин едут на бензине, кушленном на чёрном рынке...

* * *

Я зашёл в кафе. Это — одно из лучших кафе Парижа.

Изящный официант подал мне на изящном подносе изящную чашечку с какой-то мутной бурдой. Хорошего, настоящего кофе в Париже нет.

Тут же на блюдечко официант положил изящную таблетку сахарина. В Париже сахар, шоколад или конфеты можно достать опять-таки только на чёрном рынке.

Проницательный официант успел заметить, что я не пришёл в восторг от всего этого угощения. Он намекнул мне, что за особую плату он сможет дать кусочек сахара.

Получив моё согласие, он изящным движением извлекает из жилетного кармана кусочек сахара не первой свежести и бросает мне в чашку.

* * *

Проезжаем на машине по оживлённым парижским бульварам. Мой спутник, французский профессор, говорит мне:

— Вот видите, как здесь много публики. Но мало французов. Это всё «долларчики».

«Долларчиками» в Париже называют американцев.

Все увеселительные места, которыми так богат Париж, все значные заведения на Монмартре и Монпарнасе заполнены главным образом «долларчиками». Это либо американские офицеры, одетые в штатское, либо солдаты в военной форме.

То, что французам кажется безумно дорогим, американцам кажется необычайно дешёвым.

Сторонись, франк, доллар идёт! Имея в своём распоряжении доллары, за которые можно получить много обесцененных франков (примерно в три раза больше, чем по официальному курсу), американцы в Париже всё считают для себя дешёвым и доступным.

Американцы снабжают чёрный рынок и сигаретами, и бензином, и сахаром, и дамской обувью (не на деревянной, а на кожаной подошве!), и маслом. Но всё это по баснословно дорогим ценам.

Однако есть продукт, которым американцы не спешат облагодетельствовать парижан. Я имею в виду уголь.

* * *

Один французский учёный сказал мне: — Мы с женой хотели пригласить вас к себе в гости. Но, к сожалению, мы лишены этой возможности. У нас дома очень холодно. Нет угля.

И тут же он мне разъяснил:

— Американцы не дают угля. Этим пытаются оказать на нас политическое давление. В холоде, по их мнению, лучше сохранится реакция во Франции.

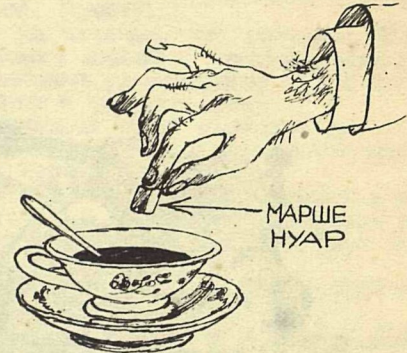
Из-за скудных запасов угля французам этой зимой приходится жить в плохом

отапливаемых квартирах и весьма бережно обращаться с электричеством.

Освещение в Париже сейчас весьма скудное, и каждый день полностью включается свет то в одном, то в другом районе города.

Темно и холодно.

В фешенебельном варьете «Казино де Пари» публика сидит в верхнем платье. А когда-то здесь демонстрировались самые изысканные наряды, парижский шик. Сейчас не до шика: нет нарядов и нет угля.

Но парижане — весёлый народ. Парижане умеют весело смеяться.

* * *

В тот вечер на сцене варьете шла какая-то наивная и простодушная пьеска, в которой главные роли исполняли три офицера: американский, английский и советский.

По ходу действия английский офицер попадает впросак. Публика весело смеётся.

Американский офицер остаётся «в дураках». Новый взрыв смеха.

Советский офицер выходит победителем — зрители шумно и радостно аплодируют, приветствуя героя.

Отношение французам к советским людям исключительно тёплое. Многие французы изучают русский язык. Всё русское: музыка, литература, наука — вызывает здесь огромный интерес.

За время пребывания во Франции нашей делегации на Пастеровской конференции мы были предметом исключительного внимания со стороны французских учёных. Нас приглашали осматривать лаборатории, давали нам отписки своих работ, знакомили нас со своими достижениями и жадно расспрашивали о жизни у нас, положении учёных и достижениях нашей науки.

Мы вместе со всеми участниками конгресса поехали в Доле, на родину Пастера. Водитель прикреплённой к нам машины, едва успев представиться, сейчас же заявил:

— Если бы вы знали, как мне все завидуют, что мне досталась советская делегация!

Одному из наших товарищей необходимо были сложные очки. В магазине заявили, что они могут быть изготовлены только через полтора месяца. «Вот попробуйте, мсье, обратиться на марше нуар...» Но, узнав, что это для советского гражданина, все продавцы пришли в волнение, и, посоветовавшись, решили отставить другие заказы и изготовить очки в несколько дней.

— Как же можно отказать в этом представителю страны, которая спасла весь мир от фашизма! — заявили продавцы.

Иллюстрации М. ЧЕРЕМНЫХ.

Н ЕТ, не умеют у нас ещё как следует ценить людей! Вот, к примеру, работает в Московском авиационном институте начальником ремонтно-строительных мастерских Фёдор Исаевич Гордеев. Что мы о нём знаем? Да ничего. А между тем человек работает, можно сказать, не покладая рук. И с его трудами знакома лишь специально выделенная институтом комиссия, на долю которой выпала высокая честь лично убедиться в разнообразной деятельности Фёдора Исаевича. Обнаружено много интересного материала. Но, по непонятным причинам, этот материал остаётся только достоянием комиссии.

Поэтому мы попытаемся восполнить этот пробел и в меру наших сил и возможностей познакомить читателей с Фёдором Исаевичем Гордеевым.

Итак, Фёдор Исаевич работает начальником ремонтно-строительных мастерских. И если вам, скажем, нужно отремонтировать квартиру, — пожалуйста. Спросите гражданку Сац, которой Фёдор Исаевич силами мастерских и из материалов последних построил целую квартиру. Несмотря на то, что Сац к институту никакого отношения не имеет, Гордеев выполнил работу аккуратно, добросовестно и в срок.

Вам, например, нужен шкаф или другая какая-нибудь мебель. Опять к вашим услугам Фёдор Исаевич. У него большой вкус. Шкаф для гражданина Боксва выглядит, как игрушка. Прочный (ещё бы, взят из мастерских лучший материал!), добротный (ещё бы, делали его лучшие мастера!) Вот только стоимость неизвестна. Деньги за него в кассу мастерских не поступали.

Ещё Фёдор Исаевич — человек запасливый. У него на складах хранятся и стекло и фанера, которые по указаниям опытного начальника списывались в расход, а фактически на ремонтно-строительные работы не шли. Вот и образовались нигде не заприходованные излишки, которыми Гордеев волен распорядиться по собственному усмотрению.

А как любит молодёжь Фёдор Исаевич! Он обул учеников ремесленного училища. Причём сделал это совершенно бесплатно, хотя ремесленники пытаются утверждать, что они за ботинки платили. Но мы склонны верить скорее тов. Гордееву. Потому что нигде в бухгалтерских записях не указано, что за ботинки деньги вносились. Ну, а если даже Гордеевым они и получены, но до кассы не дошли, то это исключительно по рассеянности, на которой не стоит останавливаться.

Не хочется утомлять читателей историей с грузовой машиной, которая как-то пропала с одного завода и таинственным путём попала к Фёдору Исаевичу, и ещё другими, не менее интересными историями.

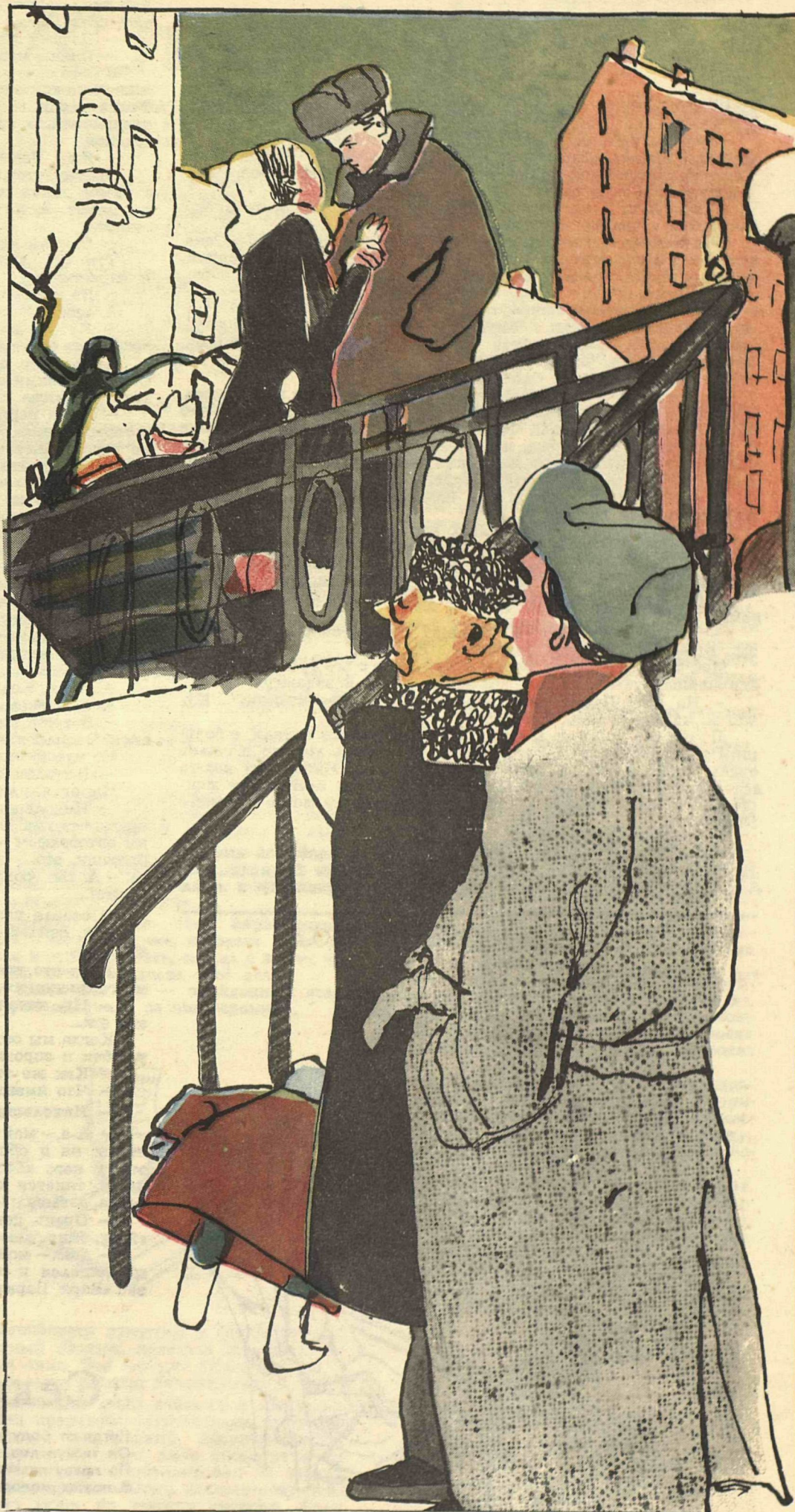
Надеемся, что и этого краткого перечня достаточно, чтобы наконец обратили внимание на Фёдора Исаевича.

Л. ЗАПОРОЖЕЦ

О Б Ъ Я В Л Е Н И Е

МЕНЯЮ путёвки в Кисловодский санаторий ЦК союза Рабис на мощные радиоприёмники. Работники радиозаводов, нуждающиеся в лечении, могут привезти приёмники с собой. Расчёт будет произведён на месте. Обращаться по адресу: город Кисловодск, ул. Профинтерна, 18, к директору санатория ЦК союза Рабис тов. К. Балаян.

Крокодил охотно и притом совершенно безвозмездно печатает объявления тов. Балаяна, так как посланное им в Ригу директору радиозавода, письмо с предложением обменять путёвки на приёмники, по неизвестным причинам не попало по назначению. Не пропадать же бесследно прекрасной инициативе тов. Балаяна!

— Вот она, поэзия, Иван Иванович!.. «Шопот... робкое дыханье»...
— Знаю я эту поэзию! Сначала по углам шепчутся, а потом, глядишь, на общем собрании тебя громогласно раскритикуют.

С Е Н Я

СОВЕРШЕННО не помню, где мы с ним познакомились, кажется, в доме отдыха. Но отлично помню, что он в первый же день всех нас поразил. Он остановился перед портретом Василия Ивановича Качалова — стены гостиной были украшены портретами знаменитых писателей и артистов, — ласково улыбнулся и сказал:

— Эх, Вася, Вася, наверно, ругаешь меня, что я тебе ещё ни одного слова не черкнул...

Разумеется, всё это не могло остаться незамеченным. О Сене, которого многие ещё даже не знали, как зовут, сразу заговорили. Мой знакомый, человек раздражительный, сказал:

— Нахал.

Но мы, женщины, почему-то заступились:

— Подождите, может быть, вы это совершенно зря и он, действительно, какой-нибудь дальний родственник Качалова. Разве не бывает, что у знаменитых людей родственники — так себе и даже ещё хуже? Сколько угодно.

В этот день Сеня Копейкин ничем нас больше не порадовал, а вёл себя просто и мило. А на завтра, когда стало известно, что Илья Эренбург, давший согласие выступить в доме отдыха с рассказами об Америке, не сможет приехать и когда мы все окали и огорчались, Сеня Копейкин сказал, как всегда слишком мягко выговаривая некоторые гласные:

— Ах, Илюшя, Илюшя, как подвёл! Я же его так просил выступить, так просил!

И пока все глядели на Сеню, кто недоверчиво, кто просто с нескрываемым любопытством, мой ехидный знакомый сказал:

— А у меня где-то записан телефон Эренбурга. Вот. Пожалуйста, позвоните ему, — и придвинул к Сене аппарат.

Мы все ждали, что будет. Сеня Копейкин сейчас же набрал номер.

— Алло! Алло! Это ты, Илюшя? Это я говорю, Сеня... Да, да... Штё, штё? Ай, как нехорошо... Не мог?..

Мой знакомый сидел рядом в кресле, и с его губ не сходила ехиднейшая улыбка. Сеня положил трубку и вздохнул:

— Не мог! Плохо себя чувствовал. Просит извинить. Ну, что ж, идёмте гулять, товарищи!

Почти все ушли за Сеней. Теперь с ним все гуляли с большим удовольствием и спрашивали, правда ли, что Качалов очень любит собак, и правда ли, что Вера Инбер (он как-то вскользь назвал её «нашей Верочкой») — очень элегантная женщина. Те, кто остались в гостиной, спросили у моего ехидного знакомого:

— Вы чего улыбаетесь?

— Как «чего»? Хи-хи, у меня... у меня в записной книжке на букву «Э» Эренбург записан, а рядом, рядом Энциклопедия Большая Советская значится... Телефон секретарши. Ну, я и дал

РИСКОВАННЫЙ ХОД

Рис. А. БАЖЕНОВА

— Федотов допустил грубую ошибку.
— И проиграл?
— Да нет, наоборот, выиграл у своего на-
чальника.

ему секретаршин телефон... Нет, нет, ей-богу, нечаянно! Ясно, что секретарша сразу же бросила трубку, как только её Илюшней назвали.

— Почему же вы тогда не вывели его на чистую воду?

— Очень нужно! Что я за разоблачитель?

Как-то вечером сообщили по радио о награждении известного инженера-конструктора, который как раз отдыхал с нами вместе. Такой скромный, застенчивый инженер. Мы все его искренно поздравили, а наутро, слышим, кто-то в саду кричит зычным голосом:

— Яшя, Яшя! Долго ли мне тебя дожидаться?

Оказывается, Сеня Копейкин. Стоит посреди лужайки, весь в белом, такой радостный и бесхитростный, машет полотенцем и кричит. А инженер спускается с террасы и сконфуженно говорит:

— Сейчас, сейчас.

Тут мой знакомый вытаращил на него свои злые глаза и спрашивает:

— По какому это случаю он вас Яшей зовёт?

А инженер виновато улыбнулся и отвечает:

— Ну что вы, раз уж он Качалова Васей называет, то мне возражать против «Яши» просто даже смешно. Пускай...

Когда наш срок кончился и мы уезжали домой в Москву, Сеня Копейкин с нами не поехал. Он только попросил нас передать в Москве письмо:

— Яшке передайте, ладно? Ну, какому, какому? Строителю, который с нами отдыхал. Я ему велел позондировать почву у них на строительстве, нельзя ли там насчёт квартирки, в первую очередь... Правда, Яшя, он тихий парень, не боевой, но, я думаю, по дружбе сделает...

Тогда же из дома отдыха он перебрался в соседний санаторий. Главного врача этого санатория, очень уважаемого человека, он уже с неделю звал Мишей.

— Здравствуй, Мишя, как жизнь?

...Обо всём этом мы вспоминали ветренным колючим февральским денёком, идя по Гоголевскому бульвару. Между заснеженных деревьев катались на лыжах ребяташки, маленькие валялись в снегу, как меховые мешки, а печальный Гоголь сидел в своём черном плаще с нарядной, пышной снеговой опушкой. Кто-то закричал позади нас очень зычным и очень знакомым голосом:

— Коля, Коля, Николашя!

Мой знакомый фыркнул и сказал:

— Вот так, при желании, можно фамильярничать с Николаем Васильевичем Гоголем...

Но тут зычный голос прокричал уже над самым ухом:

— Николашя! Ну что это, ей-богу, где ты пропадаешь?!

Мы оглянулись. Перед нами стоял Сеня Копейкин.

— Николашя, чудная книжка у тебя вышла! Все читают, прямо без ума! Ванюшя обязательно хочет один экземпляр с твоим автографом — я ему обещал. Ты знаешь, про кого я говорю? Ванюшя, это... — и он назвал очень известную фамилию генерала. — А ты, чудак, что же ты молчал, что у тебя книжка выходит?..

Я отвела глаза в сторону и подумала со страхом:

«Ох, сейчас он тебе пропишет и Николашю, и Ванюшю, и книжкю».

Но в это время я услышала совершенно незнакомый голос моего знакомого. Он мямлил сконфуженно и добродушно:

— Ну, какая там особенная книжка... Право уж, вы уж... это уж...

Когда мы остались одни, я не могла скрыть преехиднейшей улыбки и спросила:

— Как же это, собственно, получилось?

— Что именно?

— Николашя... и вообще?

— А-а, — мой знакомый равнодушно пожал плечом. — Да что ж, он в общем славный малый, что с него взять, и потом это у него абсолютно искренно. Мягкая душа, непосредственность, тянется к свету, к культуре. Помните, как он Качалова тепло называл: «Вася, Вася»?..

— Очень помню. Я помню даже, как он горячо говорил: «Яшя, Яшя, как бы мне там насчёт квартирки...»

— Гм... — мой знакомый кисло посмотрел на меня, но сейчас же нащёлся и сказал ехидно: — Это вам просто завидно, что он вас «Варя, Варюшя» не зовёт! Вот вы и извите!

Секрет молодости

Когда от роду в двадцать лет
Он тиснул первый стих,
По праву числился поэт
В поэтах молодых.

Что до сих пор выходит в свет
В разделе «молодых».

Потом за годом год, как сон,
Промчались чередой,
Мужали сверстники, а он,
Как прежде, молодой.

Друзья мои! Четверг средой
Не стал бы называть я,
Вино не заменить водой;
«Плохой» поэт и «молодой» —
Различные понятия.

Уже он сед, он чей-то дед,
Но до того он тих,

Ян САШИН

Брак по расчёту

О КЕРОГАЗАХ И ВОСТОРЖЕННЫХ АНГЕЛАХ

УРА, я купил керогаз!
Я бережно принёс его домой, поставил на стол и сказал своим домашним:
— Вот вам приятный сюрприз. Новинка кухонной техники! Керогаз варит, жарит, парит, греет. Он бесшумный, бездымный, безопасный и какой-то ещё... Керосинка и примус по сравнению с ним — жалкие пережитки и варварство.
Всё это я произнёс, изучив инструкцию, которую заботливо вручили мне в Центральном универмаге.
Скоро в нашей квартире начались странные перемены: среди зимы стали вдруг выставлять рамы из окон.
— Для проветривания, — объяснили мне. — Форточки не помогают, а раму вы-

нешь — через полчаса атмосфера уже нормальная.

Я заметил, что в кухню и коридор стали ходить с опаской, словно на чельник. Даже накрывали лицо лёгкой сеткой:

— Это от копоти. Она падает хлопьями с потолка, со стен, с занавесок.

На кухне часто раздавался теперь оглушительный треск. Похоже было, что прямо с улицы туда влетел мотоцикл. Сначала я пугался, а потом привык. Я знал: это разжигают керогаз...

В одно прекрасное утро я принёс свой бесшумный, бездымный, безопасный и т. д. керогаз в отдел хозяйственных товаров Центрального универмага. Там уже стояла очередь.

— За керогазами? — осведомился я.

— С керогазами! — поправил кто-то.

Нас было пока не более тридцати человек.

— Вчера вернули шестьдесят три штуки, — сказал заведующий отделом, тяжело вздохнув. — Из тысячи пятистот проданных керогазов за несколько дней принесли обратно двести семьдесят один... И несут и несут!

Он указал покупателям на человека, который стоял рядом в позе восторженного ангела, слетевшего с облаков:

— Это представитель завода, который делает керогазы.

— Я не только представитель завода, но и начальник цеха ширпотреба, — с удовольствием сообщил восторженный ангел. — Моя фамилия — Голубин. Именно я руковожу выпуском керогазов.

Он слегка поклонился, ожидая, очевидно, аплодисментов. Но их не последовало. Лишь один из покупателей печально сказал:

— Лучше бы вы не руководили. И вам спокойнее, и нам без хлопот.

Восторг Голубина угас. Он сделал шаг назад и всплеснул руками, выразив величайшее изумление:

— Как? Вы недовольны? Как можно жаловаться на керогазы? Да ведь наш керогаз премирован Всесоюзной торговой палатой! Он был в центре внимания на выставке! Директор получил премию, главный инженер получил премию, и я получил премию. А вы жалуетесь... Обидно!

Он поднёс к глазам платок.

Я ушёл из магазина растроганный. Мне в утешение дали новый керогаз. Продавец вежливо предупредил, что он такой же.

СЛОЖНЫЕ АГРЕГАТЫ

БЕЗОБИДНЫЙ, простой предмет. Но не верьте! Не такой уж он простой. Московский завод чертёжных принадлежностей выпускает дверные замки английского типа. Покупателей нашлось много: давно не было таких замков.

Прежде чем вделать замок в дверь, надо обязательно его разобрать, затем снять дверь с петель, положить её (дверь) на пол и уж потом собрать и прикрепить замок к двери. Не думайте, что это прихоть изобретателя. Нет, замок собирается только на двери и только в горизонтальном положении.

Не пугайтесь, если при сборке отвалятся литые шипы. Остаётся ещё выход: дверь снова на петли, а покупку в магазин.

— Напрасно снимали дверь, мы уже снимаем замки с продажи, — успокаивают покупателей в магазине.

Директор завода тов. Абрамовский, узнав о потоке брака, который идёт из цехов в торговую сеть, сказал с видом человека, который сделал своё дело:

— Замок для нас — пройденный этап. Мы уже получили за него премию...

Подробности известны и без директора: опытный образец, похвалы, выставка, поздравления. Всё это уже было. Раз так, — нет больше расчёта беспокоиться...

Московский завод счётных и пишущих машин преподнёс потребителям изящный подарок — внутренний дверной замок «Москва». На него любо посмотреть, он хорошо отделан, никелирован и заодно наделён оригинальным новшеством: действует лишь на правую сторону. Если потребителю взбредёт в голову, чтобы замок действовал на левую, пожалуйста! Стоит только прикрепить его к двери вверх ногами! Мы предупреждаем: осто-

рожно обращайтесь с ключом. Он тоже очень изящный и ломается при первом же повороте.

Обратились к директору завода тов. Хренову. Он удивлённо воскликнул:

— Как можно, ведь нас за этот замок премировали!

КОНСУЛЬТАНТЫ ПРИ ЗУБОЧИСТКАХ

ПРОМЫСЛОВАЯ артель «Металлоремонт» в Бауманском районе Москвы выпускает бесшумные примусные горелки из латуни.

— Бесшумная горелка! Подарок хозяйкам!

А к этому подарку председатель правления артели тов. Деревицкий приложил другой подарок — инструкцию потребителям:

— Нельзя подносить огонь при зажигании к нижней части горелки.

— Категорически воспрещается...

— Не рекомендуется.

Десять запретов в этом фитовом листке. Но он ничего не прикрывает — всё видно! С того дня, как появился на белом свете первый примус, зажигают горелку именно снизу. А тут нельзя, сгорят колпачки. Секрет прост: горелки выпускаются с уже негодными колпачками. Если не выполнять инструкцию, они сгорают немедленно, а если послушно следовать советам артели, — сгорают двумя днями позже.

Бесшумная горелка шумит, как водяная мельница.

В инструкции указано, что надо прочистить её иголкой. Не верьте, не поможет!

Покупательницы отказываются от подарка, который состряпан для них артелью «Металлоремонт». Они с шумом возвращают бесшумные горелки обратно. Узнал об этом начальник Управления промкооперации г. Москвы тов. Процеров и издал приказ. Оказывается, во всём виновато население, которое «не знает горелки». Чтобы довести технологию горелки до населения, тов. Процеров предложил провести наблюдение за горелкой «на дому у пяти заказчиков».

В магазинах оживление. Ещё одно приложение к товару — живая консультация. Хозяйка варит суп, а консультанты стоят вокруг с портфелями и руковода, вносят предложения, обобщают опыт, подводят итоги.

Идею тов. Процерова следует распространить. Почему бы в самом деле не прикрепить по одному консультанту к каждому изготовленному примусу и замку, к каждой кастрюле, сковородке, зубочистке?

Возможен, конечно, и другой вариант. Взять, например, да и усилить наблюдение за теми, кто выпускает керогазы, примусы, замки, кастрюли, сковородки, зубочистки!

Мих. ЩЕЛОКОВ

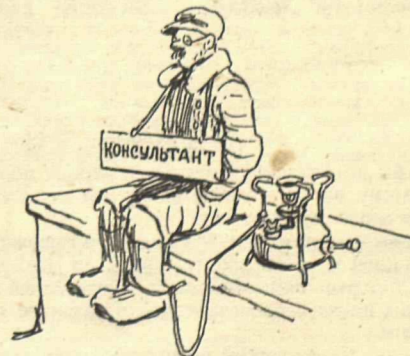

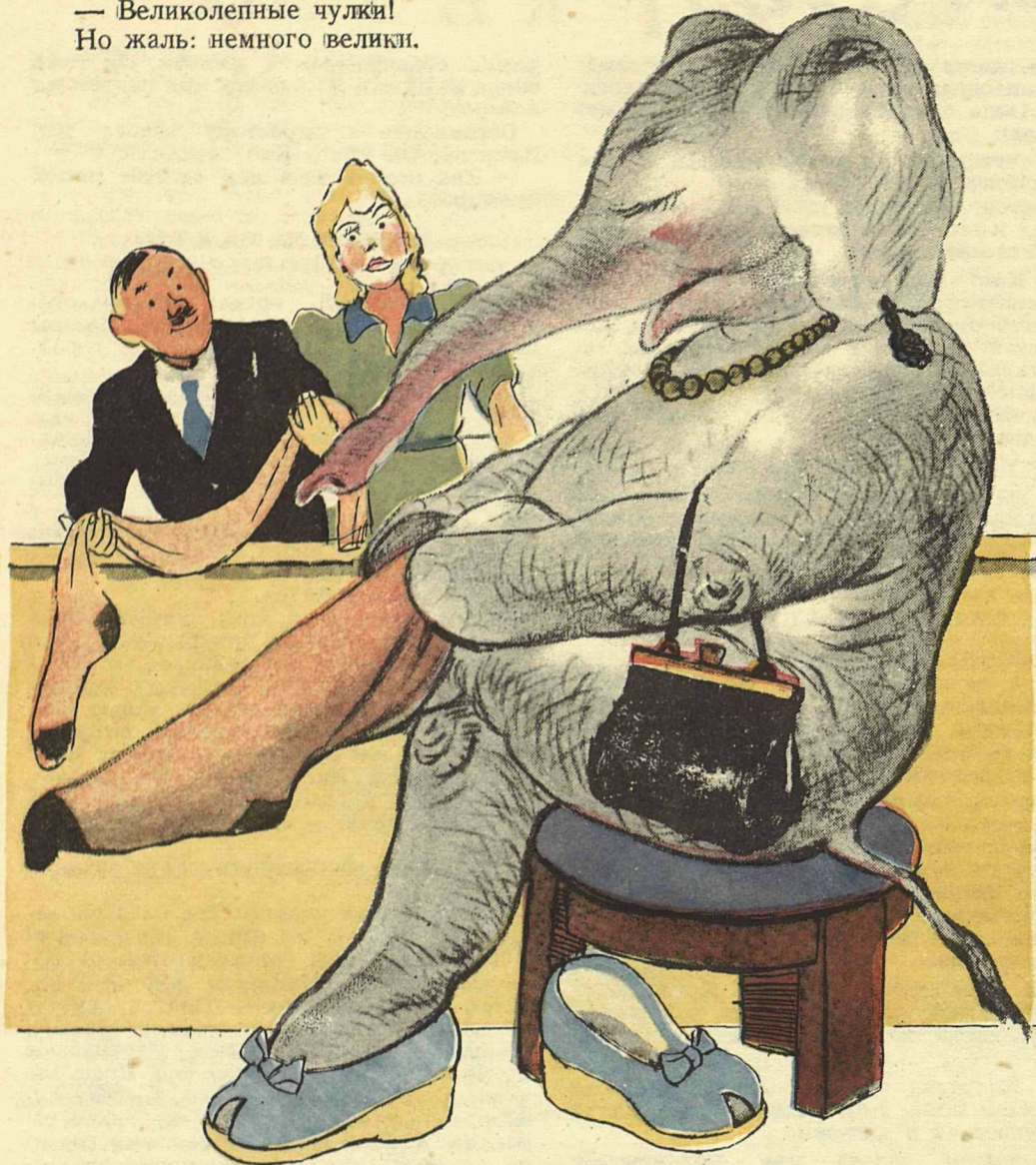
Иллюстрация Е. КВЛАН.

ХОДОВОЙ РАЗМЕР

Трикотажные предприятия вырабатывают чулки и носки только больших размеров.

Рис. И. СЕМЕНОВА

— Великолепные чулки!
Но жаль: немного велики.

ОДНАЖДЫ...

СУЩЕСТВЕННОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Однажды Ломоносов встретил поэта Тредьяковского, из кафтана которого торчала объёмистая рукопись.

— Хорошо, что все тебя знают, — сказал, улыбаясь, Ломоносов, — иначе тебя давно бы уже обворовали...

УДИВИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

Однажды Вольтер увидел в комнате одного вельможи несколько десятков париков.

— Удивительный случай! — воскликнул знаменитый философ. — Столько париков у человека без головы!

СВИНЬИ БУДУТ!

Однажды некий высокомерный сановник, входя в цирк вместе со своей раздобревшей супругой, пренебрежительно спросил стоявшего у кассы известного клоуна Анатолия Дурова:

— Ска-а-жите, а свиньи будут?

— Берите билеты, будут, — ответил, улыбаясь, клоун.

НОВОСТИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Если бы не случайно упавшее с дерева яблоко, Ньюто́ну ни за что не удалось бы доказать закон земного притяжения.

Если бы радиотехник Кузнецов добросовестно относился к своей работе, директор Пензенской радиотрансляционной сети Разумовский ни за что бы не внёс своего вклада в развитие телевидения.

Директор Разумовский решил проучить нерадивого техника Кузнецова и послал ему прозную телеграмму. И тут — о чудо! — обнаружи-

лось: Разумовский, не выходя из своего кабинета, свободно наблюдал, как телеграмма отправилась в свой путь; как, достигнув цели, она была вручена адресату; как означенный адресат, получив телеграмму, скроил кислую физиономию.

Возможно, Разумовскому проще было бы передать телеграмму в соседнюю комнату, в собственные руки Кузнецова. Но тогда нам не пришлось бы увековечить это открытие Разумовского в области телевидения...

ВЫСОКИЕ ПРИНЦИПЫ

ПОЕЗД замедлил ход, лягнул буферами и остановился. Иван Александрович Мотылёв — худой, длиннорукий шатен с брезгливым и жёлчным лицом — слез с верхней полки, сунул ноги в калоши и вышел на перрон. Сразу за станцией виднелись кривые пустынные улочки, востроенные одноэтажными деревянными домами.

— Это что ещё за столица? — жмуро спросил Мотылёв у бабы, закутанной по глаза в серый платок.

— Збруй, батюшка, Збруй...

— Збруй? Всё ясно!.. Крупный индустриальный центр. А телеграф у вас имеется?

— А то как же! В вокзале.

Шлёпая по платформе спадающими с ног калошами, Иван Александрович побежал к вокзалу. Телеграф оказался в маленькой опрятной комнате, пахнувшей клеём и дезинфекцией. За дощатым барьерчиком сидела тупощёкая девица.

— Телеграммы принимаете?

— Принимаем... Пожалуйста!

— Гм! Достижение... На этакое окаянной станции и вдруг телеграф! Похвально!

Мотылёв взял бланк, набросал телеграмму и протянул её девице.

Она проворно забегала пером по телеграфному бланку, потом выписала квитанцию и прихлопнул её штемплем:

— С вас три семьдесят пять.

— Категорично, но голословно! Помоему, три пятьдесят.

Смутившись, девушка проверила свои расчёты.

— Нет, правильно! — обрадовалась она. — За тринадцать слов и полтинник подешешных.

— М-да, Лобачевского из вас не выйдет! Арифметики не знаете, милая. Не тринадцать слов, а двенадцать!

Девушка ещё больше смутилась, снова заглянула в телеграмму и вдруг улыбнулась:

— Так вы же считаете «поскольку» за одно слово!.. А здесь их два — «по сколько».

— Пардон! — сказал Мотылёв и шаркнул калошей. — «Поскольку» — наречие, а наречия со времён Кирилла и Мефодия пишутся вместе.

— Так у вас же не наречие, а числительное.. Вот смотрите: «сообщите по сколько платить за тару тчк».

— Не морочьте мне голову! — вспыхнул Мотылёв. — Придумали себе какую-то особую збруйскую грамматику!.. Я эти «поскольку-постольку», «почему-потому» ещё при старом режиме в гимназии проходил...

— А я в семилетке учила... С вас три семьдесят пять!

— Три пятьдесят... За двенадцать слов плюс подешешные... И не дерзите мне! Расступились тут!

— Я же верно сосчитала, гражданин! — процептала девушка, чуть не плача. — А хотите платить три пятьдесят — вычеркните одно слово... Вот без «тчк» можно обойтись!

— Попр-р-р-ашу вас прежде всего обойтись без замечаний! Не в двадцати пяти копейках тут дело! Я человек принципиальный! Наплевать мне на двадцать пять копеек! Принцип мне дороже денег!

— Какой принцип? — спросила девушка. — Принципиально не хочу оплачивать вашей неграмотности!

По перрону, мимо окна телеграфа, проследовал дежурный с жезлом.

— Ладно! Пусть неграмотная! — вздохнула девушка. — Платите три пятьдесят... А то ещё на поезд опоздаете! Я сама доплатю. Из своих денег.

— Благодарительность! — вскипел Мотылёв. — Мерси! Я обойдусь без филантропии!

— Чего же вы хотите? — удивилась девушка.

— Разобраться. Без благотворительности! Принципиально!

В комнату донёсся двоянный звон станционного колокола.

— Вот я пишу, — Мотылёв потряс телеграммой, — «сообщите поскольку платить за тару»... Где же тут, чорт возьми, числительное?!

— По сколькоку.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Мотылёв. — «По сколькоку», — по-вашему, числительное? Умора! Анекдот!

Паровоз протяжно загудел и сдвинул вагоны с места.

— Хо-хо-хо-хо! — гремел Мотылёв. — Збруйские грамотей! Академики! Стилисты, чорт вас раздерит!

— Поезд! — крикнула девушка.

Мотылёв метнулся из комнаты, скользя по кафелю спадающими калошами.

Через минуту он вернулся.

— Бланк! — простонал он.

Поёживаясь от холода, Мотылёв принялся сочинять телеграмму-молнию, адресованную начальнику соседней станции.

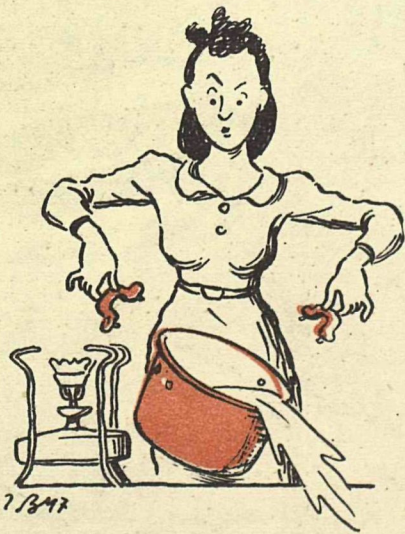
«Поскольку я отстал от поезда № 73 прошу изъять из вагона № 8 мои вещи...» Далее следовало перечисление багажа. Телеграмма вышла длинной и сумбурной.

— С вас тридцать два рубля, — сказала девушка, выписывая квитанцию. — За «по-сколькоку» я беру, как за одно слово... Теперь «досколькоку» — наречие.

Мотылёв молча заплатил за молнию тридцать два рубля и с горечью подумал о том, как трудно живётся на свете образованному и принципиальному человеку.

Е. и С. ШАТРОВЫ.

Рис. Г. ВАЛКА

— Сладу нет с этой посудой! Кастрюли совсем от ручек отбились!

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Заместитель председателя горисполкома гор. Куйбышева тов. Башенко предложил начальнику городского жилуправления тов. Казакову выделить для меня жилплощадь вне всякой очереди.

Начальник горжилуправления Казаков в свою очередь также предложил начальнику Фрунзенского райжилуправления Бавыкину вне очереди обеспечить меня жилплощадью. К сожалению, Бавыкин не успел оставить мне на память свой автограф, так как, пока шла к нему бумажка, он был переброшен на другую работу. Но зато его преемник Харитонов, не задумываясь, написал инспектору Морозову, чтобы тот подыскал жилплощадь вне очереди. Написал, а сам также ушёл на другую работу.

Спустя неделю председатель Фрунзенского райисполкома Ермилов пишет новому начальнику райжилуправления. Что пишет, — ясно.

Через две недели секретарь Фрунзенского райкома партии Беляков пишет заместителю председателя райисполкома Костину. Что пишет, — тоже ясно.

Костин предлагает вновь назначенному начальнику райжилуправления Алисину ускорить предоставление жилплощади. Алисин вызывает Морозова (того самого Морозова, которого когда-то вызывал ещё Харитонов и предлагал...). Одним словом, Алисин вызывает Морозова и письменно предлагает: «Поставьте на очередь на исполнение».

Когда я буду иметь жилплощадь, я не знаю, но зато у меня уже имеется ценнейшая коллекция автографов.

М. УМАНЕЦ

г. Куйбышев.

Дорогой Крокодил!

Мой папа пошёл со мной на концерт для ребят в зал имени Чайковского.

Тётя, которая вела концерт, объявила, что сейчас выступит артист Любезнов. Мы дружно захлопали. Сначала руками, когда артист вышел на сцену, а затем ушами, когда артист стал рассказывать старые анекдоты.

Артист Любезнов рассказал, как один папужник задавал сыну всякие задачи. Одна задача была такая: в магазине поступило 50 килограммов шоколаду. Директор и четыре продавца поделили шоколад между собой поровну. Сколько шоколаду пришлось на каждого, и как называется это действие? Умный сынок сразу решил задачу и прямо заявил, что действие завмага называется жульничеством.

Вторая задача была ещё интереснее: отец ушёл из дому в час с четвертью, а вернулся в три без четверти, сколько времени отсутствовал отец? Умный сынок и тут правильно решил: «Два часа, и к тому же пьяный, так как опустошил четверть... водки».

Я не так сильна в арифметике, как сын художника, и никак не могу решить третьей задачи, которая пришла мне в голову после утренника: неужели дяде Любезнову не было стыдно перед нами, когда он пичкал нас старыми анекдотами, которые он едва ли рискнёт раскрывать взрослым?

Таня ФЕДОСЕЕВА

Москва.

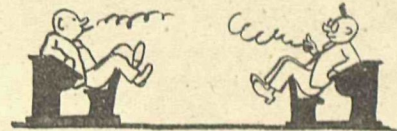
Уважаемый Крокодил!

Саратовская контора Трансмашнаба расцедрилась и прислала нам посылку. Раскрыли мы её, а там оказалось два сапога. Присмотрелись мы к сапогам и обнаружили, что старая поговорка «Два сапога — пара» на этот раз действительна: один сапог оказался 40-го размера, а другой — 42-го.

Как могла произойти такая путаница? Не иначе как гоголевская Пелагея, которая не разбиралась, где левая и правая сторона, устроилась на работу в контору Трансмашнаба.

А. СИНИЦЫН,
директор техникума

г. Нижний Тагил.

Уважаемый Крокодил!

Дом, принадлежащий Емецкой средней школе, занят другими учреждениями. Поэтому местный райисполком, «принимая во внимание перенеполнение школы учащимися и недостаток классных комнат», обязал заведующего комхозом Лохова освободить помещение от посторонних жильцов и передать его школе. Но если реализовать исполкомовское решение, могут обидеться жильцы, весьма уважаемые в районном центре лица. А тов. Лохов «перенеполнен» желанием жить с ними в дружбе. И дом не был передан школе.

Прошлым летом исполком «в целях дальнейшего улучшения качества работы в новом 1946—1947 учебном году» вновь постановил освободить занятое помещение. Однако оно и на этот раз не было возвращено школе.

Хотя и с опозданием, но мы поздравляем председателя исполкома тов. Зажигина с наступившим новым годом и желаем ему в новом году обзавестись более твёрдым характером.

Т. БУДРИН

г. Емецк, Архангельской обл.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

♦ В № 28 за прошлый год Крокодил поместил заметку «Чужая территория». Председатель колхоза имени Кирова, Горьковской области, Костров, с ведома Шатковского райисполкома незаконно приобрёл на Починковском конезаводе 4 лошадей. Директор завода Ахсен и его заместитель Ионов при оформлении сделки получили взятку. Исполнительный комитет Горьковского областного совета по заметке в Крокодиле вынес специальное решение. Председателю исполкома Шатковского райсовета тов. Гирину за попустительское незаконное расходование колхозных средств и грубое нарушение Устава сельскохозяйственной артели объявлен строгий выговор. Председатель колхоза Костров, директор конезавода Ахсен и другие виновные лица привлечены к уголовной ответственности.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно в 1 до 5 часов. Подлинная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва.

Изд. № 111.

Подп. к печати 3/II 1947 г.

Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½.

Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А—01389.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 240.

Тираж 150.000 экз.

48

У КАЖДОГО БАРОНА СВОЯ ФАНТАЗИЯ

Барон Ротшильд потребовал от австрийского правительства возмещения убытков, причиненных ему войной.

Рис. Ю. ГАНФА

РОТШИЛЬД:—Подайте бедному банкиру миллиончиков двадцать на хлеб!

ЮГ.48